

ИЗВѢСТІЯ
КАВКАЗСКАГО ОТДѢЛА
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Томъ VIII.

1883 годъ.

№ 1.

Отчетъ о дѣятельности и состояніи Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества въ 1882 году *).

Милостивые Государи!

Прежде, нежели приступимъ къ чтенію отчета о прошлогодней дѣятельности нашего Отдѣла, считаемъ необходимымъ указать на вышедшій въ прошломъ году капитальный по Кавказовѣднію трудъ нашего маститаго ученаго, академика *Г. В. Абиха*. *Германъ Вильгельмовичъ* болѣе 30-ти лѣтъ своей жизни посвятилъ геологическому изслѣдованію Кавказа и сопредѣльныхъ съ нимъ странъ Турціи и Персіи. Въ теченіи этого времени вышло изъ-подъ его пера болѣе сорока, чрезвычайно цѣнныхъ для науки, монографій. Въ изслѣдованіяхъ *Г. В. Абиха* поражаетъ рѣдкое и счастливое сочетаніе глубокаго и всесторонняго анализа съ даромъ обобщенія. Въ горныхъ массивахъ Кавказа, представляющихъ на первый взглядъ хаотическое напластованіе всевозможныхъ породъ, простирающихся въ разныхъ направленіяхъ, въ самомъ прихотливомъ порядкѣ, онъ сумѣлъ прослѣдить стройное, гармоническое цѣлое, подчиненное извѣстнымъ, строго-опредѣленнымъ законамъ. Маститый ученый, послѣ продолжительнаго изученія Кавказа, рѣшился

*) Отчетъ былъ читанъ правителемъ дѣлъ въ годовомъ общемъ собраніи Отдѣла, бывшемъ 25 мая 1883 г.

Замѣтки объ Атекѣ и Кара-Кумѣ *).

Отъ подножія Копетъ-дага на сѣверъ и на востокъ до береговъ Аму разстилается песчаная степь Кара-Кумъ. Только узкая полоса земли отдѣляетъ этотъ сыпучій, перекатный песокъ отъ каменной стѣны Копетъ-дага. Рѣзкими, холмистыми очертаніями линия песка то приближается къ горамъ, то снова отступаетъ отъ нихъ. За Асхабадомъ у Гяурса песокъ какъ-бы врѣзывается въ этотъ плодородный клочекъ земли, но сейчасъ-же и покидаетъ его, удаляясь далеко на сѣверъ; только вблизи Серакса онъ снова возвращается.

Эта полоса земли, способная къ культурѣ, и есть оазисъ Атекъ или Этекъ. Его можно раздѣлить на двѣ части, приблизительно равныя по протяженію: одна тянется отъ Кизыль-Арвата и до Гяурса (это Ахаль-Теке), а другая (собственно Атекъ)—отъ Лютфабада до Серакса, съ промежуткомъ отъ Гяурса до Лютфабада. Первая изъ нихъ обильнѣе снабжена водой и болѣе населена, хотя она мѣстами суживается до 15—20 верстъ; вторая носить скорѣе пустынный характеръ. Хотя пески здѣсь отступили далеко на сѣверъ и Атекъ уже тянется на десятки верстъ въ ширину, но недостатокъ воды сообщаетъ ему этотъ характеръ. Отъ Кизыль-Арвата къ Асхабаду и далѣе мѣстность представляетъ ряды пологихъ балокъ и холмовъ, съ общимъ уклономъ на С-З. Цѣлыя площади, иногда на нѣсколько верстъ въ ширину, покрыты сплошнымъ камнемъ, перенесеннымъ дождевыми потоками съ подножія горъ.

Голый, непривѣтливый Копетъ-дагъ,—этотъ стражъ пустыни,—тянется однообразными продольными цѣпами вдоль всего Ахаль-Теке. Онъ достигаетъ наибольшей высоты за Асхабадомъ, понижаясь далѣе къ Гяурсу. Сначала у Бами онъ достигаетъ только 5.929 ф. (Кизыль-дагъ), затѣмъ къ Арчману онъ повышается, а за Асхабадомъ вершины его поднимаются почти до 10,000

*) Эти замѣтки составлены во время поѣздокъ по Закаспійскому краю въ 1881 и 1882 гг.

фут. (вершина Разарашъ имѣть 9.758 ф. высоты). Образуя много продольныхъ долинъ, которыя, съ широты Гёкъ-Тепе, заняты небольшими поселеніями курдовъ, Копеть-дагъ представляетъ очень мало поперечныхъ долинъ, вслѣдствіе чего со стороны оазиса онъ мало доступенъ. Наибольше удобные проходы представляютъ: ущелье Гярмаба и проходъ на Дурбъ-адамъ къ Кучану. Какъ-бы продолженіемъ Копеть-дага служатъ два небольшихъ параллельныхъ кряжа: Заръ-и-кухъ и Кизылъ-Баиръ. За ними идетъ сплошная, почти отвѣсною, стѣною горная цѣпь Келата, которая образуетъ естественную Келатскую крѣпость; далѣе горы, проходящія на Ю.-В., носятъ названіе Музранскаго хребта.

Оазисъ орошается небольшими рѣчками, сбѣгающими съ горъ; большая часть ихъ беретъ начало въ массѣ горъ, съ противоположной стороны, и вступаетъ въ оазисъ, пробившись чрезъ ущелья. Онѣ называются по имени тѣхъ поселеній, которыя на нихъ находятся (Кизылъ-Арвата, Коджа, Бами, Беурмы, Арчмана, Сунчи, Дуруна, Келята, Гёкъ-Тепе, Безмеина, Асхабада, Кельте-Чинара, Гяурса). Всѣ они представляютъ небольшіе ручьи, едва удовлетворяющіе потребностямъ населенія; не дошедши до песковъ, они просачиваются въ землю. Болѣе обильною водою текутъ рѣчки Гёкъ-Тепе и Кельте-Чинара. Отъ Гяурса до Лютфабада лежитъ безводное мѣсто на протяженіи почти 90 верстъ. По второй половинѣ оазиса (по собственно-Атеку) текутъ слѣдующія рѣчки: Козганъ-су, вода которой разбирается на нѣсколько поселеній, начиная съ Лютфабада; затѣмъ соединенная вода Лайна и Арчингяна, направляющаяся къ селенію Каака; рѣчка Келата, текущая къ Чагарды; рѣчки Меана, Чаача и, наконецъ, Тедженъ.

Здѣсь нельзя не упомянуть, что, въ отношеніи пользованія водой, собственно Атекъ, т. е. участокъ отъ Лютфабада до Серахса, и Ахаль-Теке находились въ разныхъ условіяхъ. Чтобы это уяснить себѣ, нужно обратить вниманіе на разницу въ политическомъ положеніи той и другой части оазиса. Земля и воды Ахаль-Теке съ ихъ истоками были собственностью туркменъ Ахала; только вода Гёкъ-Тепе или Гярмабъ-су и вода Фирюзы составляли въ этомъ случаѣ исключеніе: ихъ истоки находились во владѣніи персіянъ *). Въ совершенно иныхъ условіяхъ находился Атекъ. Зем-

*) По конвенціи, заключенной въ 1881 г. въ Тегеранѣ, къ Россіи отошло селеніе Гярмабъ, находящееся на истокахъ рѣчки Гёкъ-Тепе, а Фирюза осталась за Персією.

ля и вода были здѣсь собственностью персіянъ. Но персіяне, тѣснимые туркменами, оставили Атекъ и засѣли за свои высокія горы. Только Лютфабадъ и Серахсъ принадлежали имъ de facto; на всемъ-же остальномъ Атекѣ жили туркмены (выходцы изъ Мерва и туркмены-аліелы); земля и вода не принадлежали имъ, и они были данниками хановъ Дерегеза и Келата ($\frac{1}{11}$ часть полевыхъ сборовъ поступала въ ханскую казну). Такой порядокъ вещей держался въ силу того, что, съ одной стороны, туркмены - Мерва, по малочисленности своей, не могли завоевать Атекъ или, вѣрнѣе сказать, удержать его и обезпечить отъ нападенія персіянъ, а съ другой стороны, персидскіе ханы, располагая достаточнымъ числомъ конницы, могли своими наѣздами постоянно тревожить туркменъ. Во всякомъ случаѣ, это равновѣсіе было неустойчивое. Въ послѣднее время къ туркменамъ проникъ слухъ, что весь Атекъ (за исключеніемъ Лютфабада) долженъ принадлежать русскимъ; они отказывались платить персіянамъ подать и открыто заявляли, что они русскіе подданные; персіяне-же, владѣющіе истоками рѣчекъ Атека, отказывали имъ въ водѣ. Въ сентябрѣ прошлаго (1882) года я посѣтилъ Кюренъ и нѣкоторыя другія селенія, которыя были оставлены Лютфабадскимъ агою безъ воды; засохшія поля и сады представляли, дѣйствительно, жалкую картину; едва черезъ два мѣсяца, благодаря настойчивымъ требованіямъ начальника Закаспійской области, туркменамъ была опять отдана вода. Я позволилъ себѣ это отступленіе потому, что вопросъ о водѣ въ Атекѣ составляетъ жизненный вопросъ.

Перейду теперь къ описанію р. Тедженъ-дарьи, которая въ верхнемъ теченіи, до Серахса, носитъ названіе Гери-руда. Гери-рудъ беретъ начало южнѣ Герата и направляется прямо на сѣверъ къ Серахсу; здѣсь онъ принимаетъ сѣверо-западное направленіе и доходитъ приблизительно до широты Асхабада, гдѣ оканчивается болотами и озерами (Аламанъ-чунгуль и Анауасъ-чунгуль). Онъ протекаетъ сначала по малодоступнымъ горнымъ ущельямъ. Свободное караванное движеніе дѣлается возможнымъ только отъ Зурабада или, точнѣе сказать, отъ Пуль-и-хатуна (развалины стараго кирпичнаго моста, построеннаго, по преданію, какой-то женщиной); здѣсь вливается въ него Мешедская рѣка Кешефъ-рудъ или Кара-су. Это та торная дорога, по которой персіяне направляли прежде свои войска и орудія изъ Мешеда въ Серахсъ. Въ верстахъ 20-ти на югъ отъ Серахса, у маленькой персидской

крѣпости Даулетабадь, Тедженъ выходитъ на равнину. Въ теченіи марта, апрѣля и мая онъ течетъ полною водою: тающіе снѣга у его истоковъ и обильные весенніе дожди питаютъ его; но уже въ половинѣ іюня рѣка образуетъ, въ болѣе углубленныхъ частяхъ ложа, рядъ отдѣльныхъ озеръ (чунгуль). Въ теченіи лѣта и осени эти озера постепенно мелѣютъ и вода ихъ представляетъ болѣе или менѣе насыщенный растворъ поваренной соли. Впрочемъ, въ нижнемъ теченіи Теджена вода (въ особенности кипяченая) остается годною для питья даже и поздней осенью, но выше Пуль-и-хатуна вода дѣлается настолько соленою, что только крайняя необходимость можетъ заставитьъ пить ее. Постепенно обнажающееся русло покрывается толстымъ слоемъ вывѣтрившейся соли. Въ этомъ мѣстѣ, на правомъ берегу Теджена, находятся большіе солончаки чистой поваренной соли, въ 2—3 дюйма толщиною. Ею довольствуется весь Мервъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Серахъ былъ единственнымъ населеннымъ пунктомъ на Тедженѣ, — Даулетъ-абадь, Наурузабадь, Пуль-и-хатунъ, Зурабадь представляли развалины. Только съ прошлаго года персіяне рѣшили возобновить всѣ эти укрѣпленія. Каждое изъ нихъ представляетъ теперь небольшой квадратъ, около 40 шаговъ ширины, съ 4 башнями по угламъ. Вдоль стѣнъ укрѣпленія расположены сводчатые казематы, въ которыхъ размѣщается гарнизонъ; выровненная крыша этихъ казематовъ составляетъ банкеть на случай нападенія. Оборона такого укрѣпленія ввѣряется приблизительно сотнѣ сарбазовъ. Рядъ этихъ укрѣпленій по Теджену составляетъ цѣлую оборонительную линію. Трудно угадать практическое значеніе этой линіи: прежде, когда вторженія туркменъ были особенно сильны и часты, этой линіи не существовало (укрѣпленія представляли только груды развалинъ); теперь же въ ней, повидимому, не имѣется надобности. Серахъ и Зурабадь, конечные пункты этой линіи, составляютъ и наиболѣе сильныя укрѣпленія. Послѣдній изъ нихъ построенъ на холмѣ, командующемъ мѣстностью, и имѣетъ видъ квадрата, со стороною около 100 шаговъ; вооруженъ онъ двумя орудіями. Серахъ представляетъ сомкнутое укрѣпленіе изъ входящихъ и исходящихъ угловъ; шесть старыхъ наръзныхъ, заряжающихся съ дула, орудій, поставленныхъ на лафеты невозможной конструкціи (напр., безъ подъемнаго механизма и безъ прицѣла), да около 300—400 человекъ сарбазовъ съ пистонными ружьями составляютъ всю обо-

ронительную силу Серахса. Въ августѣ 1881 года я имѣлъ случай убѣдиться, какъ неумѣло обращаются съ орудіями персидскіе артиллеристы. Для меня, въ присутствіи сертипа, команда сарбазовъ-топчѣевъ заряжала орудіе. Послѣ всѣхъ приѣмовъ баненія, которое, замѣчу, было исполнено съ достаточнымъ искусствомъ, она вложила въ орудіе гранату обратнымъ концемъ; при выстрѣлѣ, граната вылетѣла-бы своимъ плоскимъ срѣзомъ (впрочемъ, это было скорѣе ядро въ формѣ гранаты)*). Въ отношеніи военной выправки и вообще вида солдата, серахскій сарбазъ оставляетъ желать весьма многого, хотя привѣтливость и добродушіе его невольно располагають къ нему. Сарбазъ пожизненный солдатъ. Шахское правительство снабжаетъ его ежегодно синей курткой съ красными погонами и мѣдными пуговицами, войлочной шапкой, нѣсколькими батманами пшеницы и рису, да 30 кранами денегъ. Этимъ и ограничиваются всѣ его заботы въ отношеніи сарбаза, оторваннаго навсегда отъ своей родины и заброшеннаго въ далекій Серахсъ на томительное заключеніе. Давно забытый своими родными, никому не нужный, сарбазъ закуривается опиумомъ, чтобы въ сладкихъ галлюцинаціяхъ отрѣшиться отъ тяжелой дѣйствительности.

Персидскій Серахсъ, построенный въ концѣ сороковыхъ годовъ, вблизи развалинъ Старога Серахса, былъ крайнимъ сѣверо-восточнымъ пунктомъ Персіи и долженъ былъ служить передовою, наблюдательною позиціею къ сторонѣ Мерва. Но уже въ 1860 г., послѣ пораженія персіянъ подъ Мервомъ, Серахсъ утрачиваетъ всякое значеніе: аламаны являюся подъ самыми стѣнами крѣпости и Серахсъ находится постоянно въ осадномъ положеніи. Туркмены тѣшатся надъ сертипомъ Аббасъ-ханомъ: отбивъ у него стадо барановъ, они предлагаютъ ему купить его-же добро, и сертипъ покупаетъ. Вся Мешедская долина Кара-су была обезлюдена и лежала въ развалинахъ. Для меня непонятно, какимъ образомъ Серахсъ могъ такъ долго просуществовать. Около 1877 года, для поддержанія его существованія, Аббасъ-ханъ поселилъ около Серахса Ташъ-сердара, выходца изъ Мерва, съ 300 кибитками туркменъ-теке и почти съ сотнею кибитокъ солоръ. Они заняли

*) Мое замѣчаніе, что орудіе слѣдовало-бы заряжать иначе, вызвало только недоумѣніе среди артиллеристовъ; сертипъ недовѣрчиво покачалъ головой и велѣлъ позвать завѣдывающаго артиллеріей. Тотъ явился и сказалъ слѣдующее: „Да, вы правы, я видѣлъ, что и въ Тегеранѣ также заряжаютъ; ну, а мы это дѣлаемъ по-своему“.

свободныя мѣста и обязались защищать Аббасъ-хана. Въ 1881 г. явились въ Серахсѣ новыя партіи туркменъ-солоръ изъ Мерва. Не мѣшаетъ замѣтить, что туркмены-солоры представляютъ родъ какихъ-то паріевъ среди туркменъ-теке; въ Мервѣ, напр., они не имѣли собственной земли и должны были уплачивать владѣльцамъ земли третью часть и даже половину сбора. Послѣ Гёкъ-тепинскаго погрома персіяне не сочли нужнымъ особенно церемониться съ туркменами. За сочувствіе къ русскимъ, выказанное Ташъ-сердаромъ и солорами, персіяне рѣшились выселить туркменъ изъ-подъ Серахса. Ташъ-сердару они предложили мѣсто въ долинѣ Кара-су, а съ солорами они распорядились еще безцеремоннѣе: при помощи мешедской конницы, персіяне согнали ихъ, въ числѣ 3000 кибитокъ, около Зурабада. Это случилось въ то время, когда входила жатва. Ташъ-сердаръ собралъ свои кибитки и отправился изъ-подъ Серахса на новыя мѣста; но это былъ только маневръ, которымъ онъ хотѣлъ провести персіянь: свернувъ съ дороги, онъ поселился у Арвабека въ Чаача, которое верстъ на 60 ближе къ Асхабаду, чѣмъ Серахсѣ. Аббасъ-ханъ не задумался принять репрессаліи относительно Ташъ-сердара: на всѣхъ поляхъ его были поставлены персидскіе караулы, и жатва полей (пшеница, ячмень, арбузы, лукъ, бадрижаны) свозилась въ Серахсѣ. Ташъ-сердаръ обратился въ Асхабадъ съ просьбою о заступничествѣ.

Остается сказать нѣсколько словъ про нижнее теченіе р. Теджена, отъ Серахса до болотъ и озеръ Анауасъ и Аламанъ-чунгуль. Этою частью Тедженъ принадлежитъ нашимъ владѣніямъ и служитъ какъ-бы сѣверо-восточною ихъ границею. Онъ течетъ тутъ рядомъ дугъ, обращенныхъ къ Атеку; обрывистые его берега, въ особенности лѣвый (поднимающійся отвѣсно на 2—3 сажени), затрудняютъ, въ большинствѣ случаевъ, спускъ къ рѣкѣ. Масса свѣжей, живой зелени, которою одѣтъ Тедженъ, представляетъ пріятный контрастъ съ лишеннымъ растительности Атекомъ; сплошныя поросли камыша, ивы, гребенчука образуютъ мѣстами непроходимыя чащи, въ которыхъ скрываются тигры и стада кабановъ. Несмолкаемый говоръ птицъ, выкрики фазановъ наполняютъ воздухъ; весной и осенью, во время перелета птицъ, стаи журавлей и гусей проносятся надъ Тедженомъ. А тутъ-же рядомъ, по направленію къ Атеку, лежитъ безжизненная голая Каакинская степь; она не откликнется никакимъ живымъ звукомъ, даже хищный коршунъ не паритъ надъ ней. Это царство смерти.

Я уже замѣтилъ, что только въ теченіи весны (марта, апрѣля и мая) Тедженъ даетъ проточную обильную воду, а въ остальное время года онъ представляетъ небольшія, не сообщающіяся между собой озера. Но здѣсь кипѣла недавно еще жизнь, на что указываютъ слѣды оросительныхъ канавъ и такія постройки, какъ плотина Кары-бента. Теперешнее населеніе нижняго Теджена сгруппировалось на пространствѣ между новою плотиною Тезе-бентъ и озерами Аламанъ-чунгуль. Плотины Кары-бентъ и Тезе-бентъ („бентъ“ собственно значить: плотина, загражденіе), выведенныя, во всю ширину русла, изъ слоевъ фашичника и земли, имѣютъ назначеніемъ измѣнять естественное русло рѣки и, поднимая воду, направлять ее по отводнымъ канавамъ на поля и баштаны. Разливъ Теджена въ теченіи 3-хъ мѣсяцевъ, благодаря плотинѣ Тезе-бентъ, даетъ жителямъ возможность залить водой всѣ ихъ земли, назначенныя подъ весенніе посѣвы. Недостатокъ воды осенью не позволяетъ имъ имѣть озимыхъ хлѣбовъ; поэтому на Тедженѣ сѣется только пшеница, арбузы и дыни и не сѣется совсѣмъ ячмень, какъ принадлежащій къ озимому хлѣбу. Урожаи пшеницы, арбузовъ и дынь превосходные: пшеница даетъ самъ 25, а дыни и превосходнаго качества арбузы (вѣсомъ около 30 фунтовъ) родятся въ громадномъ изобиліи и служатъ, вмѣстѣ съ чуреками, повседневною пищею туркменъ Теджена. Они сохраняются и на зиму: дыни рѣжутся на плоскія пластинки и высушиваются на солнцѣ (это такъ называемая „какъ“), а изъ арбузовъ дѣлается родъ какого-то меда. Для этого, арбузы, очищенные отъ кожи, варятся въ котлѣ, и полученная масса, протертая черезъ рѣшетку, даетъ сладкую, густую и очень непріглядную на видъ жидкость.

Поселенія туркменъ на Тедженѣ дѣлятся на постоянныя, числомъ около 3000 семействъ, и на временныя, пришлыя, около 1000 семействъ. Послѣднія, послѣ уборки хлѣба, снова возвращаются въ Мервъ. Эти цифры можно было опредѣлить во время постройки плотины, когда сходились на работы члены отъ всѣхъ семействъ. Главное занятіе жителей, какъ мы уже сказали, хлѣбопашество и разведеніе дынь и арбузовъ; но они держатъ также небольшое число верблюдовъ (около сотни) и отъ 4 до 5 тысячъ овецъ (последняя цифра опредѣляется числомъ пастуховъ: на каждаго пастуха приходится отъ 800 до 1000 овецъ). Ограниченное число верблюдовъ объясняется тѣмъ, что тамъ въ теченіи цѣлаго лѣта держится оводъ, отъ котораго верблюды страдаютъ и падаютъ.

Въ основѣ жизни туркмена лежитъ родовое начало—почти самая низшая ступень человѣческаго общежитія; туркмены въ этомъ отношеніи не пошли далеко: связь съ другими родами у нихъ часто внѣшняя (развѣ только общая опасность заставляетъ ихъ соединиться въ одно цѣлое). Мнѣ попадались въ Ахалѣ лица, которые не могли сказать, принадлежать-ли они къ тохтамышамъ или отамышамъ (этимъ двумъ главнымъ дѣленіямъ туркменъ-теке), а называли мнѣ только мелкія подраздѣленія, къ которымъ они принадлежали. Быть можетъ, это былъ исключительный случай; но, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что каждый ребенокъ, только что начавшій говорить, на вопросъ: кто онъ такой, съумѣетъ, отвѣтить, сичмазъ-ли онъ, или бахши.

Цѣлая площадь, занятая поселеніями туркменъ, представляетъ федерацію отдѣльныхъ родовъ, гдѣ члены общинъ пользуются безусловной равноправностью. Каждое большое подраздѣленіе туркменъ-теке (сичмазы, бахши, беки и векили) имѣютъ своего представителя, въ лицѣ родового или избраннаго хана; онъ есть только довѣренное лицо общины на случай переговоровъ съ другимъ государствомъ; ханъ не пользуется ни малѣйшей властью, ему даже не оказываютъ внѣшнихъ признаковъ уваженія, хотя его и окружаютъ нукеры, избранные изъ малыхъ подраздѣленій родовъ. Если ханъ не оправдываетъ ожиданій общины, то онъ тотчасъ-же смѣняется. При весеннемъ раздѣлѣ земель, хану отводятъ совершенно такой-же участокъ, какъ и всякому другому. У туркменъ нѣтъ общественнаго суда, нѣтъ общественныхъ поборовъ,—нужды обществъ (возведеніе укрѣпленія, постройка плотины) исполняются трудами отдѣльныхъ родовъ.

Право владѣнія землей и водой у туркменъ общинно-родовое. Отъ нижней плотины Тезе-бентъ проведены три канавы: одна для векилей, другая для бековъ, а третья для отамышей. Послѣднюю канаву вырылъ Хакимъ-ханъ; надъ плотиною работало 900 работниковъ. Она развѣтвляется на 9 отдѣльныхъ канавъ; каждая канава служитъ для 100 семействъ; водою ея пользуются въ теченіи сутокъ 16 семействъ (8 днемъ и 8 ночью); такимъ образомъ, въ теченіи почти недѣли вода обходитъ всѣ 100 семействъ. Вообще у ахалъ-такинскихъ родовъ *) земля и вода составляютъ соб-

*) Эти роды размѣщены такимъ образомъ: векили занимаютъ Кизыль-Арватъ и Асхабадъ, беки—Бами, бахши-дашайки—Арчманъ и Безменъ, сичмазы—Беурму, Дурунь и Гѣкъ-Тепе (знаменитый защитникъ Гѣкъ-Тепе, Тымка-сердаръ, былъ сичмазъ изъ Беурмы).

ственность цѣлаго рода; ежегодно осенью совершаются передѣлы земли. Мѣрою качества воды служить такъ-называемый „биръ-су“ (одна вода). Подъ этимъ разумѣется тройная поливка участка (одинъ разъ голой земли, передъ вспашкой и посѣвомъ, и по одному разу осенью и зимой). Каждый женатый получаетъ одну воду; тремъ женатымъ сыновьямъ, живущимъ при отцѣ, дается 4 воды и т. д. Тѣ, которые имѣютъ по одной водѣ и которыхъ участки находятся по сосѣдству, соединяются иногда по нѣскольку человекъ въ одну партію; такъ, напр., партія изъ 10 человекъ получаетъ 10 разъ воду. Холостой воды не получаетъ. Только въ Гёкъ-Тепе, влѣдствіе какой-то исторической причины, земля и вода составляютъ собственность не цѣлаго рода, а отдѣльныхъ лицъ (ею владѣютъ сичмазы и векили).

Обстановка жизни тедженскихъ туркменъ довольно бѣдная: у не многихъ только имѣются кибитки; большинство-же живетъ въ шалашахъ, на 4 стойкахъ, съ набросаннымъ камышемъ; зимой-же они живутъ въ ямахъ, вырытыхъ въ землѣ. Домашнюю посуду составляютъ: бурдюки, деревянные чашки, чугунные котлы, походные мѣдные чайники (изъ Хивы), по формѣ похожіе на наши мѣдные кофейники. Изъ нихъ туркмены пьютъ свой зеленый чай (гёкъ-чай) безъ сахару. Необходимая принадлежность для чаю глазурированная глиняная чашка въ кожаномъ чахлѣ (привязываемая къ сѣдлу во время похода). Посуду составляютъ и тыквы всевозможныхъ сортовъ: однѣ служатъ сосудами для воды, изъ другихъ дѣлаются челимы (кальяны); есть еще одинъ видъ маленькой тыквы, который замѣняетъ табакерку для жевательнаго табаку. Жеваніе табаку, а въ особенности куреніе сильно распространено между туркменами. Обыкновенный ихъ челимъ состоитъ изъ тыквы (иногда онъ бываетъ деревянный). На бокахъ ея, съ двухъ противоположныхъ сторонъ, дѣлаются два отверстія, а въ узкое горло тыквы вставляется сквозная трубочка съ расширеніемъ на концѣ для табаку; тыква на-половину наливается водой; черезъ одно изъ боковыхъ отверстій втягивается дымъ, причѣмъ въ это время другое отверстие, служащее для выдуванія дыма, закрывается пальцемъ. Такой челимъ обходить по-очереди нѣсколько ртовъ. Есть и другой видъ челима, болѣе простой: берется обломанная баранья, ножная кость, около четверти вершка длины, и просверливается по оси до половины; съ боку ея дѣлается маленькое отверстие для втягиванія дыма (это скорѣе уже трубка). Туркмены арактикуютъ

еще одинъ способъ куренія: близъ дороги или у рѣчки въ землѣ продѣлывается узкое сквозное отверстіе; оно представляетъ видъ изогнутой трубочки, концы которой на поверхности земли отстоятъ другъ отъ друга на разстояніи приблизительно четверти аршина. Одинъ изъ концевъ этой импровизированной трубочки служитъ для помѣщенія табаку, а изъ другого вытягиваютъ дымъ. Это дорожный способъ куренія; туркмены, въ большинствѣ случаевъ, берутъ во время переѣздовъ свои челимы.

Обыкновенная домашняя одежда мужчины состоитъ: изъ короткой бѣлой рубашки, широчайшихъ шароваровъ, ватнаго стеганнаго халата (издѣлемъ халатовъ славятся особенно солоры), папахи и кожаныхъ туфель (онѣ надѣваются на босыя ноги). Дорожное снаряженіе туркмена составляютъ: нѣсколько халатовъ (въ очень холодное время туркмень иногда облачается въ четыре халата); высокіе, кожаные сапоги (сдѣланные на хивинскій ладъ) съ войлокомъ въ серединѣ (они своимъ крошечнымъ каблукомъ страшно затрудняютъ ходьбу); переметныя сумки для ячменя, чурековъ и муки (послѣднюю они запасаются, если предстоитъ дальній и безлюдный путь) *) и, кромѣ того, небольшой бурдюкъ для воды, огниво, маленькій хивинскій ножъ въ кожаномъ чухлѣ, помѣщаемый въ сапогѣ или за поясомъ и чайный приборъ, состоящій изъ мѣднаго чайника и глазурированной чашки. Вооруженіе дорожнаго туркмена состоитъ: изъ кривой, поясной шашки испаганской работы и длиннаго одноствольнаго ружья съ сошками, всегда заряженнаго пулею. Нужно сказать нѣсколько словъ и о конѣ туркмена. Въ ряду другихъ породъ лошадей туркменскій конь стоитъ, какъ борзая среди собакъ; изъ него выработался стройный и неприхотливый скакунъ; онъ знаетъ только проходъ-шагъ и галопъ съ карьеромъ и не знаетъ совсѣмъ рыси. Постоянно, и днемъ, и ночью, когда онъ стоитъ на-мѣстѣ, его держатъ закутаннымъ съ головы до ногъ въ войлокъ. Мнѣ кажется, что это есть причина того явленія, что у текинскихъ лошадей почти не растетъ грива. Въ связи съ дурнымъ устройствомъ арчаковъ, это

*) Изъ муки они дѣлаютъ въ дорогѣ очень вкусныя лепешки. Для этого густо замѣшанное тѣсто кладется въ середину прогорѣвшаго костра и засыпается толстымъ слоемъ золы; меньше чѣмъ черезъ 5 минутъ получается очень вкусный хлѣбъ. Я самъ практиковалъ этотъ способъ приготовленія хлѣба, когда мнѣ приходилось по недѣлямъ не встрѣчать селеній.

укутываніе лошади, вызывающее нѣжность кожи, сказывается вредно и въ другомъ отношеніи: оно способствуетъ натиранию отъ сѣдла спины у лошади; дѣйствительно, во всемъ Ахалѣ и во всемъ Мервѣ найдется очень мало лошадей, у которыхъ не были-бы порчены спины. Туркмены могутъ доставить прекрасный контингентъ для кавалеріи: они чрезвычайно выносливы, смѣлы, наблюдательны и умѣютъ точно и самостоятельно исполнить данное имъ приказаніе. Я отправлялъ одного туркмена съ порученіемъ изъ Серахса въ Асхабадъ и далъ ему на переѣздъ взадъ и впередъ 12 дней. „Вернешься-ли ты въ назначенный день?“, спрашиваю я его. „Если я не умру, то на 12-ый день буду въ Серахсѣ“, былъ его отвѣтъ. Онъ сдержалъ слово.

Туркмены вообще отличаются завиднымъ здоровьемъ. Болѣзни глазъ, лихорадка и сифилисъ наиболѣе распространены между ними. Послѣдняя лѣчится какими-то корнями чипы-чемъ (изъ Мешада) и серсенилью (изъ Бухары).

Лѣтъ 12 тому назадъ, до покоренія Хивы, туркмены-теке были полными хозяевами степи. Попытки персіянъ и Хивы завоевать Мервъ и властвовать тамъ разбились о стойкое мужество туркменъ: около 50-хъ годовъ пораженъ былъ Медаминъ-ханъ подъ Серахсомъ; въ 60-ти годахъ персіяне разбиты были подъ Мервомъ. Слѣдующее затѣмъ время до 1873 года, т. е. до покоренія Хивы, было самымъ счастливымъ для туркменъ-теке. Обстоятельства благопріятствовали этому: съ одной стороны лежала безпомощная, слабая Персія, съ другой стороны находились богатые рабовладѣльческія ханства Бухары и Хивы, гдѣ здоровыя руки раба цѣнились очень высоко. Вся восточная часть Персіи подверглась нападеніямъ туркменъ: ханства Бужнурдъ, Кучанъ и Дерегезъ грабили туркмены Ахала, а Келатъ, Мешедъ и весь Ю.-В. туркмены Мерва. Цѣлыя селенія уводились въ плѣнъ и продавались въ рабство; такъ, напр., около 1869 года было разграблено въ Дерегезѣ богатое селеніе Чаушли и 850 человекъ проданы въ Хиву. Въ Бухарѣ насчитывалось тогда 80 тысячъ, а въ Хивѣ 60 тысячъ рабовъ. Если предположить, что средняя цѣна раба, какъ показываютъ туркмены, была 100 руб., то получится очень почтенная цифра—около 14 мил. рублей, которую выручили туркмены отъ занятія своимъ выгоднымъ промысломъ. Операціи свои туркмены производили отдѣльными родами; въ Ахалѣ, въ этомъ отношеніи, особенно отличались бахши-дашайки. Аламанъ имѣлъ всегда предводителемъ сер-

дара, человѣка испытанной храбрости, опытнаго въ веденіи войны и знающаго дороги; при раздѣлѣ грабежа, сердаръ получалъ не болѣе двухъ частей. Туркмены Ахала всегда были верхами, а у мервскихъ туркменъ были и пѣшія дружины съ своимъ особеннымъ пѣшимъ сердаромъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ запасы провіанта, а также необходимыя принадлежности для штурма возились на эшакахъ и на верблюдахъ. Нападенія дѣлались большею частью ночью, на разсвѣтѣ. Постоянно угрожавшая опасность заставила персіанъ строить свои селенія въ видѣ небольшой четырехугольной крѣпости, съ толстыми глиняными стѣнами и со рвомъ. На сосѣднемъ пахатномъ полѣ всюду разбросаны были небольшія, глиняныя, оборонительныя башни, куда прятался вооруженный пахарь, если нападеніе случалось днемъ, во время полевой работы. Въ 1873 году пала Хива, а съ нею и рабство; массы персіанъ, томившихся въ рабствѣ, были освобождены и возвращены на родину. Искупительная русская кровь внесла въ отжившіе порядки Востока новые элементы: она возстановила попранное право человѣка и насадила гуманность.

Всѣ туркмены сунниты, но они далеко не ревностные послѣдователи Пророка. Метафизическое понятіе о Богѣ плохо укладывается въ головѣ туркмена; ихъ религія представляетъ обрывки вѣрованій, занесенныхъ бродячими муллами и передѣланныхъ ими на свой ладъ; такъ, они, напр., разсказываютъ, что, послѣ сорокадневныхъ вѣтровъ, 40 лѣтъ пойдутъ дожди; вода зальетъ всѣ горы, а земля сдѣлается такиромъ. Разсказываютъ они также про волосяный мостъ, черезъ который должны пройти души всѣхъ добродѣтельныхъ и грѣшниковъ. Добродѣтельными считаются тѣ, которые помогаютъ бѣднымъ и не имѣютъ связи съ чужой женой. Тѣмъ, которые прегрѣшаютъ противъ этого послѣдняго, навѣрно угрожаетъ участь свалиться въ преисподнюю, надъ которой протянутъ этотъ волосяный мостъ. Разсказываютъ они еще, что Иисусъ Христосъ появился изо рта Св. Маріи, послѣ того, какъ она съѣла морской пѣны. За весьма рѣдкими исключеніями, они не держатъ никакихъ постовъ и не исполняютъ намазовъ. Въ одномъ только туркменѣ твердо убѣжденъ, а именно въ томъ, что не слѣдуетъ ѣсть свинины. Само собою понятно, что они не фанатики, но къ ихъ инстинктамъ грабительскимъ очень кстати пристала мусульманская нетерпимость: ея оправдываютъ они свои хищническіе набѣги на сосѣдей—шіитовъ, хотя въ сущности имъ ровно нѣтъ ни-

какого дѣла до ихъ вѣрованій и сами они смутно сознають всю разницу въ вѣроисповѣданіи суннитовъ и шіитовъ.

Бѣдная однообразная природа степей и песковъ Туркменіи даетъ очень мало матеріала для творчества фантазіи: тутъ нѣтъ лѣсовъ, болотъ, горъ—этихъ таинственныхъ и скрытыхъ отъ взора убѣжищъ, которыя фантазія человѣка населяетъ невидимыми духами. Я убѣдился, что туркмены мало суевѣрны. Приведу все, что могъ узнать въ этомъ отношеніи. У нихъ число 7, какъ у насъ 13, считается дурнымъ числомъ; если, напр., въ дорогу ѣдутъ 7 человѣкъ, то одинъ долженъ умереть, а поэтому они всѣми силами стараются избавиться отъ этого седьмого. Если шайка, отправляющаяся на аламанъ, встрѣтитъ волка утромъ или лисицу вечеромъ, то это хорошій признакъ; наоборотъ, считается дурнымъ предзнаменованіемъ встрѣча лисицы утромъ или волка вечеромъ. Вой собакъ предвѣщаетъ не доброе: за цѣлый годъ передъ приходомъ русскихъ выли собаки во всемъ Ахалѣ. Хорошо встрѣтить въ дорогѣ добраго, уважаемаго человѣка; такому обыкновенно дѣлають подарокъ, а встрѣтившагося дурнаго человѣка бьютъ или берутъ съ собой.

Сказки и пѣсни довольно бѣдны. Тѣ образцы сказокъ, какія мнѣ пришлось слышать, носили скорѣе хивинское происхожденіе. Въ пѣснѣ туркменьъ воспѣваетъ свои боевые подвиги, своего коня и рѣдко черные глаза красавицы туркменки. Пѣсня не имѣетъ ни начала, ни конца,—это скорѣе импровизація, выражающая настроеніе души въ данный моментъ.

Будучи пастухомъ или разбойникомъ и странствуя по своимъ пескамъ, туркменьъ долженъ былъ обратить вниманіе на звѣздное небо: звѣзды могли ему служить для ориентировки, замѣняя компасъ. Дѣйствительно, почти всѣ они знаютъ нѣкоторыя звѣзды; они знаютъ полярную звѣзду „Темиръ-казыкъ“ (железный колъ). Къ этому колу, какъ рассказываютъ они, привязаны двѣ лошади: бѣлая и буланая („агъ-бузатъ“ и „кёкъ-бузатъ“). Это двѣ болѣе яркія звѣзды Малой Медвѣдицы (ϵ и δ); но семь братьевъ разбойниковъ (звѣзды Большой Медвѣдицы) хотять украсть этихъ двухъ лошадей; это, однако, имъ никакъ не удастся, и вотъ на небѣ разыгрывается цѣлая воровская эпопея. Туркмены знаютъ еще Альдебарана (Илькёръ) и поясъ Оріона, подъ названіемъ „Ючь-ильдузь“ (три звѣзды).

Для пополненія нашего бѣглаго этнографическаго очерка, со-

общимъ еще нѣсколько этнографическихъ свѣдѣній. Подвижная и привольная жизнь туркменъ, вѣроятно, повліяла на развитіе свободы женщины. Она пользуется уваженіемъ, не прячется, не закрываетъ своего лица и въ семьѣ она такой-же равноправный членъ, какъ и мужчина; въ отсутствіе мужа она свободно можетъ принять гостя одна въ своей кибиткѣ. Завѣтная мечта каждаго туркмена добыть себѣ жену; но это стоитъ довольно большихъ денегъ—отъ 200 до 300 рублей. Обыкновенно родители улаживаютъ дѣло. Происходить настоящій торгъ, и если сходитя, то отецъ жениха вручаетъ отцу невѣсты около 100 руб. и невѣста тогда поступаетъ въ полное распоряженіе жениха; но если черезъ мѣсяца два не будетъ уплаченъ остальной калымъ, то невѣсту отбираютъ назадъ къ отцу и держатъ до-тѣхъ-поръ, пока женихъ не заплатитъ всѣхъ денегъ. Невѣста приноситъ съ собой 4 ковра, нѣсколько чуваловъ и кошемъ. Выѣтъ съ врученіемъ части калыма подписывается также и отступная бумага (некихъ) на 100 руб., на тотъ случай, если мужъ отошлетъ свою будущую жену назадъ къ отцу. Во время свадьбы сосѣди всю ночь не спятъ. На слѣдующій день происходятъ разныя игры: борьба, прятаніе вещи и др. Эта послѣдняя игра происходитъ такимъ образомъ. Садится цѣлый кругъ играющихъ. Кто-нибудь изъ нихъ обходитъ всѣхъ и дѣлаетъ примѣрно передъ каждымъ процессъ прятанія вещи; но, въ дѣйствительности, эту вещь передаетъ только одному, который ее и прячетъ. Кругъ этотъ составляетъ одну партію играющихъ, а другая—противная—партія должна найти эту вещь. Интересенъ самый пріемъ разыскиванія вещи. Играющіе подходятъ къ каждому и вглядываются въ лицо, держатъ пульсъ и кладутъ руку на сердце, разсчитывая, что тотъ, у кого эта вещь спрятана, непременно выдастъ себя или усиленнымъ біеніемъ сердца или неравнымъ дыханіемъ, или улыбкой и краской въ лицѣ. Они нѣсколько разъ обходятъ этотъ кругъ и если, по ихъ предположенію, у кого-либо нѣтъ этой вещи, то его ударяютъ по плечу въ знакъ того, что онъ можетъ выйти изъ круга. Иногда они очень неудачно ударятъ именно того, у кого эта вещь спрятана, и тогда дружный хохотъ оглашаетъ воздухъ. Эта игра взрослыхъ,—въ ней принимаютъ участіе даже сѣдобородые старики. Одна партія, пять разъ проигравшая другой, платитъ ей одинъ крауъ.

Переходимъ къ Кара-Куму и туркменамъ, живущимъ въ степи. Къ Ахаль-текинскому и Мервскому оазисамъ прилежатъ пески, на-

селенные чорвою. Относительно образования этихъ песковъ, мнѣ кажется, не можетъ быть сомнѣнія, что они когда-то составляли дно Арало-Каспійскаго моря. Этому мнѣнію, повидимому, можетъ противорѣчить одно обстоятельство, а именно, полнѣйшее отсутствіе морскихъ раковинъ въ пескахъ. Я видѣлъ обнажившіеся недавно песчаные берега Михайловскаго залива; слѣды раковинъ тутъ, по мѣрѣ удаленія отъ берега, быстро исчезаютъ. Надобно замѣтить, что матеріаль раковинъ (углекислая известь) довольно скоро разрушается отъ атмосферныхъ вліяній (напр., отъ дождя). На берегу Михайловскаго залива я, дѣйствительно, видѣлъ всевозможныя формы разрушенія раковинъ: отъ совершенно сохранившихся двустворчатыхъ раковинъ до самыхъ мельчайшихъ ихъ обломковъ, едва замѣтныхъ простымъ глазомъ. Эти обломки въ общей массѣ придавали какой-то бѣловатый оттѣнокъ цѣлой площади песку. Присутствіе разрушившихся раковинъ всегда очень легко обнаружить. Кислота (напр., соляная HCl), дѣйствуя на известь, образуетъ хлористую известь и выдѣляетъ водородъ, который выступаетъ съ шипѣніемъ ($2HCl + Ca_2 = 2Ca Cl + H_2$). Куски такирной глины, вывезенные мною изъ ахаль-текинскихъ песковъ, были подвергнуты подобной пробѣ и обнаружили значительное содержаніе извести. Такимъ образомъ, отсутствіе раковинъ въ ахаль-текинскихъ пескахъ легко объясняется разрушеніемъ ихъ. Подтвержденіемъ этого-же можетъ служить также и флора песковъ Михайловскаго залива, которая совершенно та-же, что и песковъ Кара-Кума. Здѣсь растенія не достигаютъ только тѣхъ размѣровъ, какіе они имѣютъ въ пескахъ Ахаль-Теке.

Пески Кара-Кумъ залегли сплошною массой на С.-В. отъ Ахаль-Теке. Поверхность ихъ представляетъ, такъ сказать, случайный и неправильный рельефъ, въ которомъ очень трудно ориентироваться; впрочемъ, болѣе общее направленіе песчаныхъ гребней идетъ съ С.-В. на Ю.-В.; мѣстами они поднимаются до нѣсколькихъ сажень высоты, образуя иногда отдѣльныя песчанныя вершины (чага). Большею частью западные склоны песчаныхъ гребней гораздо круче восточныхъ (это объясняется преобладаніемъ восточныхъ вѣтровъ).

Пески покрыты довольно часто кустарникомъ саксаула, череза, кандыма, сезена (последнимъ выложены все колодцы), травю юшана (родъ полыни), селина и мелкою, рѣдкою травкой, ко-

торая, послѣ перваго дождя или росы, выступает на поверхность песка въ своемъ нѣжно-зеленомъ видѣ (эти травы составляютъ прекрасный кормъ для барановъ, верблюдовъ и даже лошадей). Только вершины песчаныхъ холмовъ лишены растительности. Малѣйшій вѣтерокъ, сметая легкою дымкой частицы песку съ ихъ голыхъ вершинъ, заставляетъ ихъ какъ-бы куриться. Издали это производитъ впечатлѣніе дымящейся горы.

Вблизи оазиса пески очень часто прерываются такирными площадями и шорами или депизами; далѣе, на сѣверѣ, эти такиры и шоры встрѣчаются все рѣже и рѣже. Такирь представляетъ на глазъ иногда совершенно горизонтальную площадь, а иногда плоскость съ едва замѣтнымъ уклономъ. Окруженный со всѣхъ сторонъ возвышеніями песковъ, онъ напоминаетъ дно высохшаго озера; сѣверные и южные берега его образуютъ иногда глубокія бухты и заливы, а западные и восточные большею частью тянутся округлыми линіями (это объясняется дѣйствіемъ восточныхъ вѣтровъ). Поверхность такира представляетъ сплотившуюся песчаную глину, трудно проникаемую для воды. Весьма вѣроятно, что присутствіе извести изъ разрушившихся раковинъ и цементируетъ такирь. Копыта лошади производятъ отчетливый, рѣзкій звукъ на такирь, оставляя на немъ едва замѣтный слѣдъ. Другой видъ горизонтальныхъ плоскостей составляютъ шоры или депизы, т. е. солончаки. Они окружены высокими возвышеніями песчаныхъ горъ; легкая, синеватая дымка отъ налета соли покрываетъ ихъ поверхность. Здѣсь очень часто встрѣчаются обломки каменныхъ гипсовыхъ песчаниковъ съ глянцеватою, шлифованною поверхностью. Нужно предположить, что на шорахъ, занимающихъ самыя пониженныя части песковъ, долѣе всего держалась морская вода и гипсовый песчаникъ, исчезнувшій всюду и встрѣчающійся исключительно только на шорахъ, находится тутъ тоже въ состояніи разрушенія. Во время дождя шоры дѣлаются топкими и совершенно непроходимыми; грунтовая вода въ нихъ находится на глубинѣ приблизительно сажени.

Населеніе песковъ заняло довольно обширную площадь—приблизительно прямоугольникъ, основаніе котораго составляетъ Кизиль-Арватъ и Асхабадъ, а высоту—линія отъ Гекъ-Тепе до колодець Ирбентъ.

Въ отличіе отъ жителей оазиса—чомуровъ, жители песковъ называются чорвою. Разница между тѣми и другими сказывается

только въ родѣ ихъ дѣятельности: первые землепашцы, а вторые пастухи; но есть и связывающее ихъ звено—это чорва-чомуры, которые, послѣ уборки хлѣба въ оазисѣ, уходятъ на зиму въ пески. Богатство чорвы составляютъ бараны и верблюды; есть хозяева, которые имѣютъ до 5 тыс. барановъ и до 400 верблюдовъ, что составляетъ капиталъ, приблизительно, около 60 тыс. руб., который при этомъ приноситъ прекрасные проценты. Пески, дѣйствительно, представляютъ очень хорошія условія для разведенія барановъ и верблюдовъ. Туркмены, напр., не помнятъ ни одного случая падежа скота въ пескахъ. Каждый чорвинецъ въ глазахъ жителя оазиса есть богачъ и относительное число чорвы можетъ служить прекраснымъ мѣриломъ богатства отдѣльныхъ родовъ. Изъ всѣхъ жителей песковъ сичмазы составляютъ 50⁰/₀, векили 25⁰/₀, беки 20⁰/₀, а бахши-дашяки только 5⁰/₀. Такимъ образомъ, самый богатый родъ въ Ахаль-теке составляютъ сичмазы, которые могли выдѣлать изъ себя половину всей чорвы. Надо замѣтить, что существуетъ обратное отношеніе между богатствомъ и аламанами: чѣмъ богаче родъ, тѣмъ онъ менѣе участвовалъ въ аламанхъ; самые бѣдные дашяки были самыми отчаянными грабителями. Туркмень мечтаетъ о томъ, чтобы сдѣлаться чорвой; ему достаточно имѣть до 50 барановъ и десятокъ верблюдовъ, чтобы онъ бросилъ оазисъ и перекочевалъ въ пески.

Маленькія подраздѣленія родовъ чорвы селятся на такирахъ, у своихъ колодцевъ. По окраинамъ такира расположены кибитки, которыя скорѣе напоминаютъ хижины рыбаковъ, расположенныя на берегу озера (во время дождя такиръ представляетъ настоящее озеро). Въ сторонѣ уклона такира вырыто нѣсколько колодцевъ, которые составляютъ общее достояніе цѣлаго маленькаго рода. Вода въ этихъ колодцахъ находится иногда на очень значительной глубинѣ (до 17 сажень) и большею частью годна для питья, но по временамъ она дѣлается солоноватою. Прекраснымъ опрѣзняющимъ средствомъ для колодцевъ служитъ дождевая вода, сливающаяся въ нихъ по такирамъ (причина, почему колодцы вырываются на склонѣ такира). Чтобы опрѣснить воду, туркмены также во время зимы набиваютъ свои колодцы снѣгомъ. Вода добывается кожанымъ черпакомъ посредствомъ блока на желѣзной оси, утвержденнаго на двухъ стойкахъ. Операция вытягиванія воды производится иногда верблюдомъ, который отъ колодца ходитъ взадъ и впередъ на длину веревки (верблюды употребляются въ особенно-

сти въ томъ случаѣ, когда, при поеніи стадъ, требуется много воды). Иногда на склонѣ такира вырываются неглубокія ямы съ проведенными къ нимъ желобками. Въ эти ямы собирается дождевая вода и держится въ нихъ въ теченіи очень долгаго времени (около 2-хъ мѣсяцевъ) совершенно годною для питья. Такія водохранилища называются „какъ“. Дождевая вода этихъ каковъ даетъ возможность жителямъ песковъ выращивать даже арбузы,— я встрѣтилъ небольшіе баштаны у колодцевъ Хоръ-хоръ и у колодца Чалжикъ. Маленькое подраздѣленіе рода большею частью располагаетъ нѣсколькими колодцами; такъ, напр., багаджа, изъ рода сичмазъ, имѣетъ 4 колодца: Хумлы, Союой, Ирбентъ и Яныкъ. Эти колодцы составляютъ ихъ нестѣмлемую собственность и на нихъ не можетъ уже поселиться ни какое другое подраздѣленіе этого-же рода. Отдѣльные роды совершаютъ, въ предѣлахъ своихъ колодцевъ, перекочевки (послѣднія вызываются главнымъ образомъ недостаткомъ корма для скота). Покинуть свои колодцы на нѣсколько дней пути и удалиться въ глубь песковъ чорва имѣетъ возможность только зимою. Снѣгъ въ этомъ случаѣ замѣняетъ имъ воду; они собираютъ его въ закрытыхъ ямахъ и сохраняютъ почти до мая мѣсяца; стада свои, однако, они поятъ все-таки изъ колодцевъ, для чего скотъ пригоняется къ колодцамъ нѣсколько разъ въ мѣсяцъ (барана достаточно поить 3 раза въ мѣсяцъ, а верблюда 6 разъ). Большой снѣгъ зимой и обильные дожди осенью обѣщаютъ хорошіе урожаи корма. Туркмены предсказываютъ, что годъ будетъ урожайный или, наоборотъ, неурожайный, смотря потому, случатся-ли дожди или вѣтры въ то время, когда Илькѣръ (Альдебаранъ) восходитъ утромъ.

Необходимые жизненные припасы: муку и прочее чорва покупаетъ въ оазисъ или въ Хивѣ и продаетъ тамъ своихъ барановъ и верблюдовъ. Впрочемъ, нѣкоторые богатые чорвинцы имѣютъ даже собственную землю въ Гѣкъ-Тепе и отдаютъ ее на половинномъ условіи. Женщина въ пескахъ занята постоянно домашнею работою и тканьемъ ковровъ и паласовъ *), а мужчина проводить время или за челлимомъ въ бесѣдѣ, или въ охотѣ. У нихъ очень распространена охота съ соколомъ и собакою на зайца. Собака выгоняетъ зайца изъ куста, а соколъ, спущенный съ руки,

*) Надъ ковромъ въ 3 арш. длины и $2\frac{1}{2}$ ширины сидятъ 4 женщины въ теченіи 6-ти мѣсяцевъ.

впившись когтями въ спину, заклевываетъ зайца, который составляетъ у туркменъ довольно обычную пищу.

Еще нѣсколько словъ объ исторіи туркменъ-теке въ томъ видѣ, какъ она держится въ устахъ народа. Они выводятъ себя съ береговъ Аму-дарьи. Когда орды османовъ въ концѣ XIII и въ началѣ XIV вѣка двинулись въ Малую Азію и на Константинополь, то они по дорогѣ отбросили отъ себя тѣхъ бѣдняковъ, которые не въ состояніи были продолжать дальнѣйшій путь на Стамбуль. Эти бѣдняки и были туркмены. Они поселились сперва на Мангышлакѣ. Часть этихъ туркменъ, по приглашенію Хивинскаго хана, переселилась изъ Мангышлака въ мѣста Иланлы и Вуасъ, гдѣ принялась за хлѣбопашество. Наступаетъ время Надиръ-шаха. Онъ требуетъ къ себѣ по одному воину съ извѣстнаго числа дворовъ; но два туркменскіе героя: Гасанъ-огланъ и Кеймиръ-кёръ отказываютъ въ этомъ Надиру. Надиръ шлетъ пословъ къ нимъ и спрашиваетъ: „Гдѣ-же ваша крѣпость, которую-бы я не разрушилъ?“ Герои отвѣчаютъ, что ихъ крѣпость на спинахъ верблюдовъ. Надиръ снова шлетъ пословъ и проситъ дать ему сосчитать текинцевъ, но герои отказываютъ ему и въ этомъ. Тогда Надиръ пускается на хитрость: онъ проситъ, чтобы съ каждаго двора прислали ему по одному куруту (остатокъ отъ сыворотки верблюжьего молока); они это исполнили,—оказалось, что тогда текинцевъ было 40.000. Со смертью Надиръ-шаха, начинаются вторженія туркменъ въ Атекъ; персіяне уходятъ за горы, а текинцы занимаютъ все пространство отъ Кизыль-Арвата до Серакса. Это было около 1780 года. Въ концѣ пятидесятихъ годовъ текущаго столѣтія теке выгоняютъ сарыковъ изъ Мерва и занимаютъ его сами. Пораженіе персіянь въ 1860 г. подъ Мервомъ окончательно упрочиваетъ за текинцами Мервъ.

II. Гладышевъ.
